

Пролог

— Ты утверждаешь, что я стал донором для твоего ребенка?

Вадим надвигается на меня, словно цунами, заставляет отступить и упереться спиной в стену.

— Нет, не совсем так...

Делаю глубокий вдох. Нос щекочет пряный аромат парфюма, к которому я привыкла за все время под одной крышей с Вадимом. Я не могу больше жить на два дома. Пора разобраться во всем.

— То есть я, владелец крупнейшего международного медиахолдинга, два года назад сдал... кхм... свой биоматериал в клинике для твоего ЭКО? — тянет скептически. — Зачем это мне? Подзаработать хотел? Был у меня кризис в бизнесе, но не настолько, — смеется раздраженно.

Зажмуриваюсь и сжимаю руки в кулаки. Я и не ожидала, что он сразу поверит. Но мне не до смеха. Сердце режет. Ровно пополам.

— Позволь мне объяснить, — пытаюсь достучаться до этого циничного робота. — Я не знаю, как это произошло. Но да. Почти два года назад мы с бывшим мужем сделали ЭКО от донора. Я забеременела близняшками. Один ребенок умер при родах. Мне так сказали тогда, но...

— Я сочувствую твоему горю, но не имею к этому никакого отношения, — стальным тоном чеканит Ва-

дим, без грамма так называемого «сочувствия». — Или это новый способ на меня ребенка своего повесить? Плюс сто за оригинальность, — и пару раз хлопает в ладоши, издевательски аплодируя.

В этом весь Вадим Шторм. Холодный, бесчувственный, сметающий все на своем пути.

Сложно устоять перед разбушевавшейся стихией, но я должна постараться.

— Наоборот, — стараюсь подавить эмоции, чтобы общаться с ним на равных. С истеричкой он даже говорить не станет. — Не повесить, — смело смотрю в его огненно-янтарные глаза, которые вижу перед собой каждый божий день, когда обнимаю и целую мою малышку. — Я хочу вернуть свою дочь.

Секунда — и я оказываюсь заключенной в кольце его рук. Вадим упирается в стену кулаками по обе стороны от меня. И, кажется, он вот-вот продавит своей яростной силой тонкую перегородку между комнатами.

— Не шути так, — прищуривается угрожающе. — Алину выносила и родила моя жена. Я был рядом все это время. Слишком дорого мне досталась моя дочь! А то, что ты говоришь, полный бред!

— Но ее настоящая мать — я! — фыркаю ему в лицо, потому что терять больше нечего. — И дома ее ждет сестра-близняшка. Рита. Они обе — наши с тобой дети...

— Убирайся, — цедит Вадим и отталкивается от стены, увеличивая расстояние между нами. — Охрана выведет тебя и больше не впустит в этот дом. Рискнешь похитить Алю — и я отправлю тебя за решетку.

Делает шаг назад. Еще один. Разворачивается и идет на выход. Но я не могу его отпустить просто так. Погибну, если потеряю свою малышку во второй раз.

Год крошечного ада. Жалкое существование с половинкой кровоточащего сердца в груди. Слабые попытки собрать себя по осколкам...

И вот теперь, когда появились проблески надежды, Вадим решил обрубить все одним махом? И даже выяснять не будет? Где же его пресловутый журналистский нюх? Где профессиональная хватка? Где зов крови, в конце концов?

Ведь он — отец обеих малышей. Сомнений нет. Слишком они похожи на него.

Стираю слезы со щек и наполняюсь решимостью. Ради наших детей... Я не собираюсь сдаваться!

— Алю, как и Риту, родила я! — кричу в его широкую спину. — И я докажу тебе это! — Вадим оборачивается.

Дрожащими руками вытаскиваю телефон из кармана, нахожу в памяти нужные файлы. Запускаю и на вытянутой рукеставляю перед ним.

— Смотри!

Вадим бросает взгляд на экран и уже не может его отвести. Будто загипнотизированный, изучает его. Внимательно, недоуменно. С каждой секундой становится все мрачнее.

— Что за...

Половина первая. Глава 1

За несколько месяцев до событий пролога.

Снежана

— С Днем рождения тебя, — напеваю на американский манер.

Беру мою малышку на руки, утыкаюсь носом в темную макушку, вдыхаю сладкий запах молочка и детского шампуня. Несу дочь на кухню и усаживаю в специальный высокий стульчик.

— С Днем рождения тебя, — чмокаю ее в крохотный носик-кнопочку и улыбаюсь.

Раскрываю красивую коробку из службы доставки лучшей кондитерской города. Достая два кексика, украшенных шапками из взбитых сливок. По кухне разносится аромат ванили.

Распечатываю розовые праздничные свечи, вылитые в виде цифры «1».

Их тоже две...

— С Днем рождени-ия... — вставляю свечи в кексы, поджигаю. — Ри-ита, — придвигаю один к ней, наблюдая, как она воодушевленно округляет глазки. Не выдерживаю и наклоняюсь к кукольному личику. — Моя сладенькая, любимая Ритка-Маргаритка! — провожу своим носом по ее, нежно треплю пухлые щечки.

Дочка заходится звонким смехом, и я невольно тоже хихикаю. Сердце заполняется теплом и даже радостью. Но только наполовину. Целым оно не станет никогда.

Вздыхнув, ставлю блюдце со вторым кексом на другой стороне стола, напротив пустого стула, который никто не займет.

— Ма-а-а, — зовет меня Рита, в очередной раз отвлекая от боли. Ниточка, которая крепко держит меня здесь.

Убираю внезапно проступившие слезы, растягиваю губы в улыбке — и только потом поворачиваюсь к дочке. Нельзя, чтобы она видела меня разбитой. Хотя, думаю, Рита и так все чувствует, несмотря на возраст.

Один годик. Наш первый день рождения.

— Так, загадывай желание и задувай свечу! — объясняю малышке, а она лишь ресничками хлопает и ручку к кексу тянет. Слежу, чтобы не обожглась о пламя.

Прикрываю глаза на секунду. Загадываю Рите здоровья и счастливой жизни.

— Нужно сделать вот так, — дую в пустоту, показываю дочке. — Попробуешь?

Любуюсь моей маленькой красавицей, заворуженно смотрю, как в ее глазах переливается карамель, играет оранжевыми всполохами. Невероятный цвет. Впервые такой у нее увидела.

Рита смешно сводит бровки, изучает меня внимательно, слегка кивает. Переводит внимание на кекс. Вся такая решительная сейчас, боевая, как Маша из мультика.

— Пф-ф-ф, — делает губки вертолетиком, но вместо воздуха брызгает слюнками.

Незаметно помогаю ей задуть свечу. Вместе хлопаем в ладоши, смеемся.

Позволяю крохе расковырять кекс и измазаться в сливках. Много сладкого она не съест. В основном, по себе размажет. Да и аллергией мы не страдаем. Так что пусть побалуется ребенок.

Присаживаюсь рядом. Краем глаза ловлю огонек с другой стороны. Вторая свечка-единичка все еще горит... И не будет задута. Сама потухнет, совсем как... Судорожный вздох. И опять улыбка, перемешанная с гримасой боли.

— Так, Ритка-Маргаритка, — чмокаю дочь в измазанную щечку, чувствую сахар на губах. — Сейчас мамочке придется уйти на пару часиков. Потому что

мой будущий босс назначил собеседование именно на сегодня, — вздыхаю недовольно. — Но мамочке нужна эта работа, чтобы получать денежки и баловать любимую булочку, — щелкаю по носику, а дочь хохочет. — А вечером уговорим папочку куда-нибудь сходить. В парк или детское кафе, — размышляю вслух.

— Я буду поздно, — равнодушно гремит за спиной, а в нос проникает противный запах табака.

— Не кури рядом с дочерью, — фырчу недовольно и оглядываюсь.

Муж выставляет пустые руки, демонстрируя их мне, и глаза закатывает. А потом нервно запускает ладонь в свои светлые волосы, взъерошив их. Теряюсь на мгновение и выдавливаю некое подобие благодарной улыбки.

Антон прислушался ко мне — и курит на площадке или балконе, но похоже, он сам весь пропитался этой вонью. Я-то потерплю, однако Рита не должна гадость нюхать. Не выдержав, встаю, подхожу к окну и открываю форточку, выпуская свежий воздух.

— Что тут у нас? — довольно проговаривает Антон, а следом раздается скрип деревянного стула.

Резко разворачиваюсь. Муж сидит на том самом месте!

Вальяжно развалившись, тянет руку к горячей свече. Зажимает пламя двумя пальцами, даже не поморщившись от боли или дискомфорта. Вытаскивает единичку и небрежно отбрасывает в сторону, как мусор. Остатки сливок пачкают стол.

Антон берет нетронутый кекс и запихивает в рот, откусывая едва ли не половину за раз.

— Первый день рождения, — выдыхаю разочарованно. И многозначительно киваю на Риту, а потом возвращаю взгляд на брошенную свечку.

— О-о, поздравляю, — произносит с набитым ртом. — Замотался, из головы вылетело, — кидает дежурную фразу.

Подается вперед, треплет Риту по макушке, как собачонку. Оставляет белые пятна сливок на темных прядях. А потом откидывается на спинку стула.

— Но я все равно задержусь вечером, мать, — от приторного обращения зубы сводит. Как и от наплевательского отношения мужа. — Я же единственный в семье зарабатываю. Может, вы у мамы отпразднуете?

— Да, так и поступим, — беру дочь на руки и прижимаю к себе.

Молча направляюсь к двери. После рождения Риты и... В общем, мы отделились с мужем друг от друга.

— Что с работой? — бросает он мне в спину.

— Собеседование через пару часов, — становлюсь вполоборота. — Хочешь пожелать мне удачи?

Антон скользит по мне скептическим взглядом, и в глубине его серых глаз ничего не загорается. Впрочем, в моих тоже давно нет огонька. Потушил. Совсем как свечку-единичку, что валяется на столе.

— Ты хоть в порядок себя приведи, — с пренебрежением сканирует мою футболку, заляпанную детским питанием, будто я прямо в ней к боссу собралась. — Совсем за время декрета опустила, — бьет словами наотмашь. — Ни черта тебя на работу такую не возьмут. Я б не взял. Точнее, взял бы по старой памяти, но не на работу, — ржет над своей шуткой.

Я стискиваю челюсть от неуместного и грязного намека на интим, которого, признаться, у нас действительно давно не было. Но это не повод унижать меня.

Хочу отвесить Антону оплеуху, но Рита на моих руках сдерживает. Ради нее и голос не повышаю. Нельзя ругаться при малышке.

— Как опустилась, так и поднимусь. Сама, — поднимаю подбородок дерзко. — На твою поддержку давно не рассчитываю.

— Ма-ась, — зовет муж, но я бегу прочь из кухни.

— Знаешь, доча, отчасти Антон прав...

Вздрагиваю от фразы матери и роняю открытую помаду. Сжимаю губы, следя за траекторией ее полета. Благо, она падает на стол трюмо и мажет персиковым пятном по его деревянной поверхности, а не по моему светло-бежевому платью.

Я решила подготовиться к собеседованию не дома, рядом с мужем, а в маминой квартире, которая находится в соседнем подъезде. Думала, что здесь мне будет спокойнее.

Но ошиблась.

— Ма-ам! — возмущенно вскрикиваю и смотрю на нее через большое зеркало.

Она вздыхает, спускает с рук Риту, которая тут же топает к пульту на диване, хватая его и кнопки нажимает, включая телевизор и запуская рандомно каналы.

Улыбаюсь, глядя на дочь, но тут же хмурюсь, вспомнив о маме.

— Что «мам»? — подходит ко мне сзади, за плечи бережно обхватывает. — Погляди, какая ты красивая сейчас. Макияж, прическа, платье. Конфетка! — причмокивает языком.

Слушаю ее и в зеркало на себя смотрю. Волосы естественного пшеничного цвета, что я отрастила в декрете, избавившись полностью от краски, сейчас прибраны по бокам. Глаза подчеркнуты тенями и кажутся выразительнее. Скулы выделены румянами. Губы пока

бледные, но это исправит помада-«путешественница», которая угрожающе катается по столу.

Для собеседования я выбрала платье делового стиля. Облегающее, но при этом выгодно подчеркивающее мои достоинства в виде большой груди и скрывающее недостатки: раздавшиеся после родов бедра и чуть заметный, но все-таки животик, который появился на месте некогда тренированного пресса.

Согласна с мамой: я выгляжу достойно. Иначе нельзя. Ведь на кону — должность секретаря-референта владельца крупнейшего международного медиахолдинга. О вакансии мне по секрету сказала бывший главный редактор службы новостей, где я когда-то работала.

Словно в прошлой жизни все это было. А потом... замужество, ЭКО, роды и...

Черта, которая разделила меня на две части. Одна наслаждается материнством, а вторая — скорбит. И я не знаю, как собрать себя воедино.

Но я должна двигаться дальше. А работа может стать моим спасением. Выбора нет — я обязана ее получить.

Благо, редактор по старой памяти дала мне лучшие рекомендации и записала на собеседование. По сути, я должна из забитой декретницы стать правой рукой самого Вадима Шторма. Признаться, я понятия не имею, кто он и как выглядит. Но количество нулей в зарплате очень мотивирует.

— Мужчины любят глазами, — продолжает поучать мама. — Появись ты такая перед Антошей, так сразу к ногам твоим упадет. И сразу о чувствах своих вспомнит, — подмигивает мне в отражении.

— Чувства или есть, или их нет. О них не забывают. Как же «и в печали и в радости»? — всхлипываю от вопиющей несправедливости.

Значит, мужа я должна ублажать, несмотря на его пренебрежительное отношение. И в любом виде. А мне, чтобы внимания и заботы получить, обертка яркая нужна? Как конфете? Иначе невкусно?

Но страшно другое. Плевать Антону, что начинка у меня горчит. Так сильно, что душу отравляет. Я одинока в своем горе. Ему лишь бы сожрать — и выбросить обертку.

— Это все сказки для маленьких девочек, — мама чмокает меня в макушку. — А в жизни... или ты держишь интерес мужа, или его держит уже другая...

— Грош цена такому браку, — парирую я. — Особенно, когда у нас дочь.

Дочь. Одна.

Звучит набатом. Парализует болью. Рана никогда не затянется.

— Не каждый бы вообще согласился на ЭКО от донора, — ковыряет ее мама до крови. — Так Антон еще и оплатил процедуру. И не где попало, а за границей! В лучшей клинике! Сумма ведь немаленькая...

— Это было лишним, — шепчу я, но начинаю себя чувствовать виноватой. — Я убеждала его, что у нас ЭКО делают не хуже. Хорошо, хоть рожать туда не повез... — вспоминаю наши с мужем споры.

— Зато с первого раза все получилось. У нас по несколько попыток женщины проходят — и все впустую. Все Антоша правильно решил, — отмахивается мама, будто разочаровавшись в своей глупой, непутевой дочери. — Хороший у тебя муж. И после того, что случилось... — не озвучивает, потому что боится моей реакции.

Я и сама боюсь. Думала, вообще с ума сойду, ношла в себе силы справиться. Ради Риты.

— Антон ведь рядом находился все время, — бросает главный аргумент. — Пока ты в депрессии была. И сейчас, считай, о чужом ребенке заботится.

О чужом? Не выдерживаю и взрываюсь.

— Мама! — вскакиваю с места и поворачиваюсь лицом к маме. — Не смей так говорить! Это был наш единственный шанс на полноценную семью! Рита — наша дочь. Отец — тот, кто воспитал...

— Опять высокопарные слова. Ты книжек перечитала, филолог, — закатывает глаза. — Мужики — собственники. В отношении детей — тоже! — не сдается она, давит своим мнением. — Так что соберись и займись своей семьей. Год прошел. Пора выбираться из ямы отчаяния. Вторую малышку ты не вернешь, а так можешь и мужа потерять.

Понимаю, что спорить нет смысла. Возвращаюсь к зеркалу молча. Делаю последние штрихи — и я готова к собеседованию. Нервничаю дико, потому что от его исхода зависит многое.

В прошлом месяце Антон заявил, что Рита — черная дыра, высасывающая деньги. И ограничил нам финансы. Вот так он «заботится» о нас, но маме жаловаться не хочу. Она и это истолкует по-своему.

В одном она права — пора очнуться и взять жизнь в свои руки. Ради Маргаритки.

Подхожу к дочери, обнимаю ее, слегка касаюсь губами щечки и тут же стираю след от помады.

«Еще раз с Днем рождения, моя булочка!» — шепчу на ушко, отчего дочь хохочет, и ухожу.

Глава 2

«Шторм Медиа» — мельком цепляю взглядом название холдинга, где хочу получить работу, и буквальнорываюсь через стеклянные двери в огромный, строгий холл. Показываю охраннику документы, запоминаю, куда мне идти, и мчусь к лифту.

Время. Взгляд — на золотые часики, которые мне еще отец подарил. Успеваю. Но это не мешает мне нервничать.

— Придержите лифт, пожалуйста, — выпаливаю я, цокая каблучками по мраморному полу.

Испепеляю взглядом широкую спину мужчины, который входит в лифт и нажимает кнопку нужного этажа. Наблюдаю, как медленно съезжаются створки.

Не подождет меня? Ладно, время есть, вызову еще раз. Но когда остается маленькая щель, в ней вдруг показывается мощная рука. Двери реагируют молниеносно и распахиваются.

Невольно изучаю мужчину в лифте. На вид невзрачный какой-то: в сером свитере и джинсах. Но стоит лишь поднять взгляд на его лицо, как воздух выбивает из легких. Нет, причина не во внезапно проснувшемся влечении или бушующей похоти. Ничего подобного. Это странное чувство. Оно иного толка. Как дежавю.

Незнакомец в лифте выглядит таким... родным. Словно всю жизнь его знаю.

Не понимаю, в чем дело. Но эти темные волосы, черты лица, глаза... Особенно глаза — горячая карамель. И так знакомо прищуриваются с интересом. Погружаюсь в них.

Вот я уже не здесь, а дома. Где пахнет ванилью. Обнимаю мою сладкую булочку. Что за игры устроил мой воспаленный мозг?

— Вы же просили придержать, — возвращает меня из транса бархатный голос. — Передумали?

И рука мужчины тянется к панели с кнопками.

— Нет... Да... — качаю головой и забегаю в кабинку, становясь за спиной незнакомца. — Спасибо.

Еще раз смотрю на него. Чувство не пропадает, но я подавляю его изо всех сил. Кажется, понимаю, что со мной не так.

Полтора года дома дают о себе знать. Я стала нелюдимою. И сейчас ощущаю мандраж, потому что на работу выходить боюсь. В коллектив вливаться. Будто с нуля все придется делать. Привыкать и адаптироваться.

Стоп. Когда я тушевалась перед трудностями? Журналист по призванию, я привыкла выгрызать путь к своей цели. Я обязательно верну утраченные навыки! Вот как раз на незнакомце и потренируюсь.

— Меня зовут Снежана, — бодро говорю ему. — Я на собеседование к Вадиму Штерну... — язык предаёт меня, но я понимаю это слишком поздно.

— Шторму, — раздраженно исправляет меня мужчина и, кажется, даже плечами передергивает.

При этом даже не оглядывается. Пафоса, как у миллиардера, а сам небось... завотделом или сисадмин какой-нибудь. Впрочем, разве на них дресс-код не распространяется?

— А вы тоже на него работаете? — слетает с моих уст вопрос.

Мужчина медленно поворачивает голову ко мне. Сводит брови в удивлении, хмыкает и опять глаза прищуривает. Похож на леопарда перед смертельным прыжком. Смотрит на меня, будто видит не впервые, расплавленной карамелью обжигает.

— Можно сказать и так...

Выдерживаю его тяжелый взгляд и даже нахожу в себе силы чуть приподнять подбородок. Пользуясь моментом, внимательнее рассматриваю незнакомца. В глаза только стараюсь не смотреть, чтобы то самое чувство дежавю не вернулось.

Несмотря на небрежный внешний вид, есть в этом мужчине что-то благородное и опасное. Важная осанка, гордо расправленные плечи, мощная фигура. Он

выглядит так, словно в любой момент раздавит, переступит и пойдет дальше. Оглянется только, чтобы проверить, не шевелится ли жертва.

Внезапное подозрение поднимается в моей душе и ковыряет изнутри.

Бросаю быстрый взгляд на горящую кнопку лифта. Только сейчас замечаю, что мы направляемся на один и тот же этаж. Что же, понятно, почему мужчина не слишком дружелюбен по отношению ко мне. И ответ его неоднозначный по поводу работы обретает новый смысл.

— Вы тоже на собеседование? — догадываюсь я. — Значит, мы конкуренты, — хмыкаю с показным равнодушием.

«Но эта должность достанется мне», — добавляю мысленно, программируя реальность.

— Ого, — вздергивает брови. — Узнаю этот запах, — заявляет вдруг, а я импульсивно принимаю. — Запах самоуверенности, — уточняет он.

Опускаю ресницы, теряясь на миг, но тут же отгоняю неуместное смущение. Если бороться, то идти до конца.

— Что же, надеюсь, эта черта сыграет в мою пользу, — пожимаю плечами.

И едва сдерживаюсь, чтобы не выдохнуть с облегчением, когда незнакомец наконец-то отворачивается, прекратив бурлить меня взглядом.

Но беседу заканчивать он не намерен. Еще и лифт как назло едет вечность.

— Хорошо подготовились? — с заметным сарказмом бросает конкурент. — Перешерстили весь интернет, досье на будущего босса собрали?

— Зачем? — искренне недоумеваю.

Разве это не прерогатива начальства — информацию о сотрудниках изучать?